

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.В. БАРЧУНОВА

"Эгоистичный гендер", или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях*

Основной тезис данной статьи заключается в том, что гендерная система, к которой приобщен каждый из нас и которая регулирует поведение людей как разнополюх существ, настолько укоренена в нашем сознании, что даже особые ее "носители", владеющие инструментами критики, воспроизводят эту ситуацию в своих исследованиях. Таким образом, гендерное неравенство и гендерные асимметрии постоянно воспроизводятся в разных аспектах гендерного анализа. Р. Докинз называет это эгоизмом. Складывается впечатление, говорит Докинз, что люди и другие биологические системы служат инструментами ("машинами") для выживания генов и диктуют биологическим системам "свои правила" поведения [Докинз, 1993]. В случае с гендерной системой было бы уместнее говорить о "циничном гендере", однако и метафора "эгоистичного гендера" дает представление об изучаемом феномене.

Для людей, говорящих на гендеризованных языках, т.е. таких, где лексико-грамматическая категория рода относится к числу основных, эффект "эгоистичного гендера" усиливается языковыми символизациями.

Понятие гендера и гендерных исследований

Несмотря на то, что количество публикаций, определяющих понятие гендера, весьма значительно, считаю необходимым дать основные определения, поскольку, как будет ясно из дальнейшего, рост числа публикаций не всегда приводит к устранению неясностей.

Термин "гендер" (*gender*) в англоязычной философской и социологической литературе появился в конце 60-х годов XX века. До этого он использовался только в языковедении применительно к грамматической категории рода. Смысл его заимствования социологами и философами заключался в акцентировании того, что различия между полами в области разделения общественного труда, ролей в семье, сегрегация социального пространства по признаку пола и др. столь же условны, сколь условен род существительных. То же самое относится и к гендерным различиям в разных культурах и у разных поколений людей в рамках одной культуры.

---

* Работа выполнена при поддержке Женской сетевой программы Института "Открытое общество" (фонд Сороса) (грант № • IXE904).

Гендерные исследования — исследования формирования, воспроизводства и репрезентации половых ролей. При данной гендерной системе они изучаются, прежде всего, как отношения неравенства.

Важный аспект гендерного подхода - признание того, что в отличие от так называемого паспортного пола, который может быть либо мужским, либо женским, *гендерных групп* (иначе говоря, гендеров) может быть несколько и состав их различен в разных обществах. Наиболее распространенным типом гендерной системы считают систему, в которую входят две гендерные группы: мужчины и женщины. Говорить, скажем, о гомосексуалах, транссексуалах, трансвеститах и прочих как о самостоятельных гендерных группах в каждом отдельном обществе можно по мере формирования в нем социальных и правовых норм, регулирующих существование этих групп. Однако при абсолютном различии гендерных систем специализированные исследования (как самостоятельное направление) не возникли бы, и изучение различий по признаку пола оставалось бы в рамках таких дисциплин, как этнография (социальная антропология) или история культуры.

Смысл гендерного подхода заключается в показе не только культурно детерминированных различий между полами, но и того, как культурное конструирование этих различий сказывается на социальном статусе гендерных групп: положении на рынке труда, возможностях в сфере политики, образования и др. Отсюда и понятие гендера, разбиваемое Дж. Скотт на две связанные между собой части, которые следует различать аналитически. Ядро определения основывается на целостности двух взаимосвязанных утверждений: "гендер - это конститутивный элемент социальных отношений, основанных на внешних различиях между полами, и гендер - это первичный способ определения отношений *власти*" (курсив мой. - Т.Б.) [Scott, 1988, p. 42].

Расшифровывая это определение, необходимо отметить, что гендерные отношения - не просто социальная условность или, как принято говорить, социальная конструкция; они построены, а точнее, "замешены" на власти, т.е. на *сегрегации* и *иерархии*. Первый важный аспект данной социальной конструкции заключается в том, что социально сконструированной иерархии и сегрегации приписывается статус *естественных*, а протест против них воспринимается как агрессия и нарушение порядка вещей. В бинарных гендерных системах идея доминирования одной группы (мужчин) над другой (женщинами) и идея гендерной сегрегации так глубоко укоренены в сознании любого человека, что воспринимаются как естественные не только мужчинами - субъектами власти и сегрегации, но и женщинами - их объектами. В качестве иллюстрации приведу несколько высказываний различных авторов. Так, Н. Ценева, называющая себя также "Василина Веда" в "Практической психологии для женщин", цель которой - научить желающих стать "самой привлекательной и очаровательной", обосновывает мужское доминирование через биологическую функцию "самца": "Мужчина испокон веков Завоеватель, Владелец! Он хочет не только *бесплодно* любоваться тобой как неживой природой. Он же мужчина, *самец*, он хочет в конечном счете завоевать тебя и *овладеть* тобой как добычей" [Василина Веда, 1999, с. 125-126].

Е. Стефанович, подразумевая, видимо, различия в репродуктивных функциях мужчин и женщин, делает вывод о необходимости гендерной сегрегации в сфере образования: "Я не сторонница возвращения женщин на кухни и в детские, - рассуждает писательница, - но я и не сторонница нынешней какой-то оголтелой, совершенно пошлой, агрессивной эмансипации. *Уже биологические, а потому и социально* (курсив мой. - Т.Б.) мужчина и женщина созданы настолько с разным предназначением в этой жизни, что, хотим мы того или нет, но общество рано или поздно вернется к раздельному воспитанию и обучению мальчиков и девочек" (цит. по [Романова, Осинский, 2000, с. 3]).

Вариации на тему "естественного" порядка властных отношений многообразны, но, как правило, сводятся к трем основным сюжетам: утверждение доминирования муж-

чин над женщинами; манипулирование мужчинами, осуществляемое со стороны женщин; приравнивание женской эмансипации к сексуальной распущенности. Вот типичное высказывание Ю. Полякова из романа "Небо павших": "Женщина - это, в сущности, прирученная хищная птица. Сколько зайцев она закогтит пока отпущена на волю, - ее проблема, но по первому же хозяйскому свисту она должна усесться на господскую руку, на всякий случай защищенную перчаткой из толстой кожи" [Поляков, 1999, с. 62]. Отдадим должное этому современному писателю: он прекрасно знает, какой трагедией оборачиваются такие "традиционные" отношения между полами.

Еще одним важным аспектом конструирования гендерных отношений можно считать *означивание*, т.е. то, что властные отношения выражаются с помощью широкого класса знаковых средств, в совокупности составляющих так называемый "гендерный дисплей" - способ самопредъявления себя как существа определенной гендерной группы [Здравомыслова, Темкина, 1999, с. 56]. Понятие "гендерного дисплея" было введено И. Гоффманом, который заимствовал его из этологии. Оно «составляет ядро этологической концепции коммуникации. Вместо того чтобы исполнять некое действие, животное... проявляет легко понимаемое выражение своего состояния, в частности своих намерений, которое принимает форму "ритуализации"...». Когда речь идет о человеческом обществе, "дисплей обеспечивает данные о расстановке сил в данном собрании людей, о том, какое положение данный актер, по-видимому, готов занять в ходе разворачивающейся социальной ситуации" [Goffman, 1979, p. 1].

Скажем, высокие тонкие каблуки в сочетании с длинной узкой юбкой в каждомдневном костюме женщины можно "прочитать" как социальную норму, которая, во-первых, ставит женщину в заведомо уязвимое и зависимое положение (она менее динамична, менее мобильна, более скована в движениях, нуждается в поддержке), а во-вторых - как скрытое предписание при любых обстоятельствах, даже в ущерб собственному комфорту и здоровью, выглядеть сексуально привлекательной, что обязывает ее всегда выступать в качестве *объекта* внимания и воздействия, а не *субъекта*. Интересно, что идея женщины как объекта часто находит выражение во всевозможных практических руководствах, как стать "настоящей женщиной". Так, в уже упоминавшейся книге Василины Веды рекомендации по гендерному дисплею поданы под лозунгом "Женщина должна быть безмятежна и доступна" [Василина Веда, 1999, с. 124].

Гендерная асимметрия

Как и всякая научная дисциплина, гендерные исследования предусматривают установление неких общих закономерностей и социальных типов. Одной из универсалистских посылок гендерной теории, послужившей ее изначальной основой и вытекающей из ее либерально-феминистских корней, является постулирование двух гендерных групп - "мужчин" и "женщин". "Даже тогда, когда допускаются национальные или культурные различия, последние трактуются как второстепенные феномены, вариации на единственную универсальную тему, согласно которой гендер всегда означает одно и то же: *асимметричное, если не антагонистическое* (курсив мой. - Т.Б.), отношение между мужчинами и женщинами, структурирующее функции этих гендерных групп таким образом, что они вовлечены в разные типы деятельности и существуют в разных социальных пространствах" [Scott, 1999, p. 72].

Гендерная асимметрия может быть и недискриминативной. Таковы специфические законодательные нормы, относящиеся к репродуктивной функции женщин, например предусмотренный в КЗОТе отпуск по беременности и родам. Но обычно гендерная асимметрия дискриминативна, и жертвы ее не только женщины. Так, обязательная воинская повинность может рассматриваться как форма дискриминативной гендерной

[†] В новейших ревизиях дихотомии "гендер/пол" этот универсализм подвергся критике.

асимметрии, касающаяся мужчин. О гендерной асимметрии говорят в тех случаях, когда рассматривают *не прямой* акт целенаправленного подавления и угнетения человека, принадлежащего к данной гендерной группе [Кирилина, 2000, с. 27]. Термин "дискриминация" обычно применяют, когда речь идет о конкретных актах нарушения принципа равных прав и равных возможностей (при приеме на работу, при увольнении и др.). Об асимметрии обычно говорят применительно к самому законодательству и к разнообразным культурным артефактам. Асимметрично, в частности, наше пенсионное законодательство, в соответствии с которым женщины выходят на пенсию раньше мужчин.

"...Гендерная асимметрия фигурирует как один из основных факторов формирования традиционной западной культуры, понимаемой как система производства знания о мире" [Воронина, 2000, с. 13]. Наглядным примером гендерной асимметрии в культуре может служить изображение обнаженного женского тела в классическом европейском искусстве. Так, Дж. Бергер в книге "Способы видения" говорит, что в Европе "живописцы и зрители - покупатели произведений искусства, в которых отображалось обнаженное женское тело, - были обычно мужчины, а модели, которые выступали в качестве объектов изображения, - женщины. Это неравное отношение так глубоко укоренено в нашей культуре, что по-прежнему формирует и структурирует сознание многих женщин. Они сами обращаются с собой так, как с ними обращаются мужчины. Они смотрят на свою женственность так, как на нее смотрят мужчины" [Berger, 1972, p. 63].

Гендерная асимметрия закладывается уже на уровне социализации. Проведенный мной простейший контент-анализ отечественных школьных учебников показал, что материалы, связанные с женщинами (изображения женщин и девочек, упоминание женских литературных персонажей, реальных людей и проч.), составляют не более 30%. (Еще большую гендерную асимметрию отметила я в националистической прессе.) [Барчунова, 1995; 1998].

Механизмы воспроизводства гендерной асимметрии были подробно рассмотрены Н. Ходоров в ее знаменитой книге "Воспроизводство материнской заботы. Психоанализ и социология гендера": "Личностные качества мужчин и женщин, их жизненные ориентации переплетены с половым разделением труда в обществе и в семье и с идеологией гендерного неравенства и формируют их асимметричное расположение (*location*) в структуре производства и воспроизводства, где женщины - прежде всего матери и жены, а мужчины - работники" [Chodorow, 1972, p. 190].

Особую роль в "утверждении, отражении и сохранении асимметричных отношений между мужчинами и женщинами" играет естественный язык [Kolodny, 1997, p. 174], в частности система обращений, которой принято пользоваться в обществе [Goffman, 1979, p. 2]. Пример такой системы содержится в характеристике вокативов героев повести Н. Лескова "Однодум": «...он говорил ей "ты", а она ему "вы"; он звал ее "баба", а она его Александр Афанасьевич; она ему служила, а он был ее господин; когда он с нею заговаривал, она отвечала, когда он молчал, она не смела спрашивать...» [Лесков, 1957, с. 224].

Помимо тех гендерных асимметрий, о которых пишет Лесков, в обществе существует огромное количество стереотипов, построенных на асимметрии женского и мужского. Например, считается, что мужчина в браке должен быть старше женщины.

Итак, понятие гендерной асимметрии используется, главным образом, как *культурологический аналог* политизированного понятия неравенства, или дискриминации. Синонимичны этому понятию понятия гендерного неравенства или дисбаланса.

Вынуждена также признать, что существуют определенные неясности в употреблении данного понятия, связанные с тем, что это не термин в строгом смысле слова, а терминологический конструкт. О терминологичности свидетельствует его отсутствие в предметных указателях систематических изложений теории феминизма и гендерных исследований [Humm, 1989; Companion... 1998; Lorber 1994; Feminist... 1991; Bem, 1993], а также существенные расхождения в его понимании.

Случайно ли то обстоятельство, что понятие гендерной симметрии/асимметрии (баланса/дисбаланса) имеет статус терминоида в отличие от понятий равенства/неравенства? Полагаю, что нет. Одна из причин, видимо, связана с теми методологическими ограничениями, которые несет в себе понятие симметрии/асимметрии. Если общий смысл понятия *симметрия* - это (согласно одному из определений) зеркальное, билатеральное, радиальное или иное правильное расположение похожих между собой объектов по отношению к некоторой оси или плоскости, то *асимметрия* - нарушение такого "правильного" соотношения.

Бинарный гендерный состав общества предполагает, что методологические принципы приложения понятий симметрии/асимметрии вполне прозрачны: ось симметрии/асимметрии отделяет мужской мир от женского. При небинарной гендерной структуре, т.е. с формированием как юридически закреплённых норм, так и норм обычного права, регулирующих гендерную множественность, принципы приложения этих понятий становятся менее прозрачными. Тогда неясно, где будет пролегать воображаемая ось, по сторонам которой располагаются гендерные группы. Общество обычно группируется вокруг нескольких осей (класса, расы, этничности и проч.). На Западе процесс формирования новых гендерных групп идет более интенсивно (обсуждаются и принимаются законы об однополых браках, реализуются недискриминативные по отношению к разным гендерным группам стратегии при приеме на работу и др.). При таком гендерном составе общества понятие гендерного равенства/неравенства, по-видимому, адекватнее понятию симметрии/асимметрии.

Использование понятий баланса/дисбаланса, симметрии/асимметрии отечественными исследователями поддерживается бинарностью гендерного состава и социальным контекстом функционирования феминистских идей. Обсуждая дискриминацию по половому признаку в терминах нейтральных общенаучных понятий, российское гендерное сообщество стремится избежать тех негативных ассоциаций с идеями равенства и теорией феминизма, которые остаются весьма устойчивыми и становятся своего рода общим местом в разных жанрах и формах массовой культуры. Феминизм из зоны относительного молчания перешел в область публичного дискурса. Статьи про феминизм или упоминания феминизма (особенно в мартовских выпусках) попадают в самых популярных массовых изданиях, таких как: "Эхо планеты", "Огонек", журналы для мужчин, газеты. Однако уровень их весьма примитивен. Читатель может сам убедиться в том, что феминизм в представлении многих авторов подобных статей - отнюдь не правозащитное движение или теория, которые его обосновывают и обобщают, а "деятельность" распущенных и сексуально агрессивных "наильниц". Нередко вместо утверждения феминистской идеи равенства полов как равенства различного и стремления к паритету власти во имя социального равновесия всего общества в подобных статьях (и даже романах) разрабатываются технологии манипулирования во имя интересов отдельных индивидов.

Таким образом, упоминания феминизма становятся фактом публичного дискурса, но при этом остаются некорректными и жестко негативными. Поскольку подобные стереотипы в отношении феминизма вполне устойчивы, отечественные гендерные исследователи, видимо, на уровне "коллективного бессознательного" избегают коннотаций с феминистскими идеями равенства полов и потому пользуются общенаучными нейтральными терминами типа гендерной симметрии/асимметрии и гендерного баланса/дисбаланса.

Итак, анализ социального контекста развития гендерных исследований в нашей стране (отношение к теории и практике феминизма и особенности гендерной системы) позволяет сделать вывод о целесообразности использования понятий симметрии/асимметрии для метаанализа состояния отечественных гендерных исследований. Вместе с тем следует признать эвристическую ограниченность этих понятий и необходимость рефлексии по поводу их содержания и объяснительной силы.

Состояние отечественной гендерной теории и воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях

Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях объясняется тем, что сам исследователь - часть исследуемой системы и потому всегда существует опасность ее воспроизведения и тем самым упрочения. Таким образом, он подвластен "эгоистичному гендеру". Влияние последнего особенно явно в условиях недостаточного развития гендерной теории. Поэтому, прежде чем переходить непосредственно к механизмам воспроизводства гендерной асимметрии самими исследователями, я остановлюсь на некоторых особенностях развития отечественной теории.

Гендерные исследователи у нас в стране, так же как и другие обществоведы [Рорти, 1997], длительное время существовали в изоляции от многих научных и философских дискуссий по поводу отношений между полами. В 1990-е годы гендерное сообщество оказалось в ситуации *мультипарадигмального* и *мультитемпорального* дискурса. Для того чтобы сориентироваться в этом дискурсе, потребуется достаточное время и развитие собственных аналитических инструментов.

Еще одна сложность, с которой столкнулось сообщество отечественных гендерных исследователей, состоит в том, что философские и методологические предпосылки гендерных исследований связаны с такими направлениями, как психоанализ, феноменология, экзистенциализм и др., которые "существовали в советском дискурсе лишь под рубрикой критики буржуазных теорий" [Здравомыслова, Темкина, 2000, с. 19] и находили у нас немногочисленных сторонников, вынужденных идти на всевозможные ухищрения для развития своих концепций в условиях идеологического контроля.

Новейшие результаты гендерного анализа западных исследователей, ставшие доступными нам в 1990-е годы, не используются в полной мере из-за теоретической нестыковки западных гендерных аналитиков и отечественной обществоведческой традиции, базировавшейся на одной из интерпретаций марксизма. Отсюда вытекает целый ряд особенностей развития гендерного анализа в постсоветском научном пространстве.

1. Расширительное понимание "гендера" и "гендерного подхода". С ростом популярности этих понятий возникла опасность расширительного подхода, когда в связи с увеличением объема сужается их содержание. Приведу пример. Е. Тюгашев недавно опубликовал статью "Философия в транзитивных обществах: гендерная ретроспектива". Исходя из названия можно было бы ожидать обсуждения, скажем, социологического анализа гендерного состава "философских кадров" или гендеризации тематики философского анализа и проч. Однако, с точки зрения автора, гендерный подход - это понимаемое эссенциалистским образом различия между мужчинами и женщинами, отождествление женского с природой, а мужского - с разумом, на основании которых он интерпретирует историю философии и историю общества в целом [Тюгашев, 2000, с. 12, 13].

Под гендерным подходом иногда понимается распределение данных по полу в стандартном социологическом, демографическом или психологическом анализе. О. Воронина называет это ложной теорией гендера [Воронина, 2000, с. 12]. Н. Коноплева пишет, например, что "психофизиологические особенности одаренных детей, независимо от гендера, проявляются в виде ранней речи, большого словарного запаса, выдающихся общих или специальных способностей..." [Коноплева, 2000, с. 24].

2. Редукционизм. В действительности расширительное понимание гендера и редукционизм обычно сопутствуют друг другу. Поскольку в отечественной традиции, как уже говорилось, отсутствовали возможности развития теорий, составивших методологические основания гендерного подхода на Западе, то возникла тенденция использовать для выбора объекта исследований, сбора материала, интерпретации результатов анализа и западных концепций привычные схемы, основанные на идее первично-

сти материального начала. Сведение к материальному принимает форму биологического редукционизма или экономизма. Иногда то и другое сочетается в одной работе.

Наиболее характерным примером экономизма является монография И. Калабихиной, вошедшая практически во все списки рекомендованной литературы к гендерным курсам. В формулировках своих исходных теоретико-методологических позиций автор развивает такие противоречащие конструктивизму гендерного анализа утверждения, как: "...научные исследования выводятся исследователем из окружающей его материальной реальности, из практики"; «категории... "женщина", "мужчина" реконструируются с целью наиболее четкого и сложного понимания и отражения *реальных* (курсив мой. - Т.Б.) женщин и мужчин». С одной стороны, автор утверждает, что "анализ гендерных отношений по сути является анализом отношений власти полов в экономической, социальной, политической сферах жизнедеятельности". С другой - она говорит, что наиболее ярко проблемы социального пола проявляются в таких сферах деятельности человека, как профессиональная занятость, домохозяйство, семейные отношения, отношения воспроизводства, т.е. полностью исключает из рассмотрения проблемы макрополитики (применительно к демографическим отношениям речь могла бы идти о статусе и финансировании программ репродуктивного здоровья и др.) и дискурсивного выражения отношений власти (навязывание стереотипов половых ролей через рекламу, учебники и др.) [Калабихина, 1995, с. 30,142].

При этом отношения воспроизводства понимаются, главным образом, как трудовые отношения в сфере воспроизводства рабочей силы. Тем самым из анализа выпадает такая важная область гендерных отношений, как контроль над женской сексуальностью (запрет на аборт, распространение и использование контрацептивов и проч.).

В результате "гендерный" анализ демографических проблем реализуется как представление экономико-статистических данных по профессиональной сегрегации, а также как обсуждение вопросов типа "что является первичным: динамика женской занятости или динамика воспроизводственного труда в домохозяйстве", "какова степень автономии домохозяйства от внешней экономической системы" и т.п. [Калабихина, 1995, с. 109].

Редукционизм проникает в интерпретации западных определений и концепций гендера. Так произошло с определением гендера, данным Скотт. То же мы наблюдаем при интерпретации Е. Гаповой и А. Усмановой концепции Г. Рубин. В предисловии к изданной ими антологии гендерной теории говорится: «В "Обмене женщинами", классике феминистской антропологии, Рубин выводит патриархальный гендер из биологического пола...» [Гапова, Усманова, 2000, с. 9]. В действительности, Рубин в своем эссе говорит нечто прямо противоположное. Она всячески подчеркивает приоритет социального в системе "пол/гендер". "Пол (sex), включающий, как мы знаем, гендерную идентичность, сексуальное желание и фантазию, а также представление о детстве, является сам по себе социальным продуктом" (цит. по [Хрестоматия... 2000, с- 97]).

Редукционизм - проявление фундаментализма, он стремится свести социальные явления к некоему предельному основанию, что в корне противоречит конструктивистскому смыслу гендерного анализа. Любого рода редукционизм приводит к формулировке глобальных метафизических принципов, которые ослабляют объяснительную модель гендера как "воспроизводящего исполнения". На примере анализа концепции гендерных отношений, проведенного Т. Клименковой, хорошо видно, как редукционизм экономического свойства вынуждает исследователя прибегать к предельным метафизическим принципам, которые создают только видимость объяснения [Клименкова, 2000, с. 140].

3. Демолитизация западного гендерного дискурса в отечественных интерпретациях. Такова судьба в русских переводах понятия женщины-субъекта (*female subject*) и женской субъектности (*female subjectivity*).

В качестве эквивалента понятия "*subjectivity*" зачастую используется понятие "субъективность"², которое приводит к существенным искажениям заключенного в нем смысла - "активность + индивидуальность действующего" лица, поскольку в русском языке понятие "субъективный" - это антоним понятия субъективности, в отличие от английского, где главное значение "субъективный" - *личностный, интроспективный, индивидуальный, личный* и лишь второе значение - *пред-рассудочный, эмоциональный, пристрастный, несубъективный*.

В контексте стереотипного представления о женщинах как существах сугубо эмоциональных и склонных к предвзятым оценкам "женская субъективность" может легко прочитываться в негативном ключе. Именно такая интерпретация вытекает из русского прочтения рассуждений Р. Брайдогги, критикующей, как и другие современные феминистские философы, универалистское представление о Женщине, которое "деконструировано и поставлено под вопрос как в общественной, так и в дискурсивной практиках". Она говорит, что "современность открывает перед феминистками сущность женственности как исторического конструкта, подлежащего деконструкции". Любая реальная женщина, которая "становится в позицию феминистского субъекта как часть социальной и символической реконструкции того, что я называю женской субъектностью", являет собой множественность: она внутренне неоднородна, расщеплена на составляющие, сформировалась в результате пересечения опытов разного уровня [Braidotti, 1994]. Именно поэтому не имеет смысла говорить о Женщине как о некоем едином целом. Следует отметить также, что очень спорные интерпретации зачастую усугубляются "добавлениями" переводчиков.

Но гораздо сложнее, когда сам контекст анализа подвергается эрозии в результате неправильной интерпретации. Именно такая ситуация сложилась с толкованием фрагмента из книги Дж. Батлер "Проблема с гендером. Феминизм и подрыв идентичности", в котором понятие "субъекта" феминизма было заменено понятием "темы" или "предмета" феминизма [Butler, 1990, p. 2]. Тем самым обсуждение переводится в гносеологическую плоскость и совершенно обесмысливается. В переводе этого фрагмента на русский язык говорится буквально следующее: «Действительно, исследования женщин в рамках феминизма указывают на возможность того, что не существует субъекта, который располагается "до" закона и ожидает репрезентации "в" или "через" закон» [Антология... 2000, с. 303]. Далее Батлер выступает против универсального субъекта феминизма и рассуждает о том, что из классической теории феминизма исключаются такие составляющие идентичности, как класс, раса, этничность и другие оси властных отношений, которые подрывают конструкцию Женщины как универсального и однородного субъекта феминизма [Butler, 1990, p. 3].

Русская интерпретация этого важного рассуждения переводится из политической плоскости - критики представления (репрезентации) политических интересов неких безликих (универсальных) женщин и провозглашения подлинного множественного субъекта феминизма, лишённого иных, кроме гендерной, компонентов идентичности, - в плоскость гносеологическую. Таким образом, прослеживается четкая тенденция гносеологизации некоторых понятий гендерной теории, которые заимствуются из западной традиции, и тем самым искажаются важные политические смыслы.

4. *Практически полное отсутствие внутринаучных дискуссий и критики*, несмотря на определенную скрытую напряженность, которая существует, с одной стороны, в западных оценках и позициях, с другой - у отечественных феминологов [Здравомыслова, Темкина, 1999⁶; Хоткина, 2000], с третьей - у ориентированных на традиционные модели женственности/мужественности групп обществоведов [Рябов, 2000]. Некоторые авторы стремятся избежать эксплицитной формулировки своей позиции, скрываясь за цитатами (как, например, О. Рябов в упоминаемой статье). Так же и О. Шнырова, критикуя традиционализм выступлений на одной из "провинциальных" конференций, не называет авторов докладов и места проведения конференции,

² Некоторые авторы употребляют оба термина, вкладывая в них один и тот же смысл [Теория... 1996].

что исключает возможность полемики [Шнырова, 2000]. Аналогичным образом высказывается Воронина, анализируя состояние гендерных исследований в России. Она, как я уже отмечала выше, выделяет так называемую ложную теорию гендера, но конкретных примеров не приводит.

В хрестоматии по курсу гендерных исследований, изданной Московским центром гендерных исследований, в одной из вводных статей приводится весьма спорное и не обоснованное фактически материалом разделение методов гендерных исследований на две категории: а) метод "социалистического феминизма" и б) метод "теории различия". Причем это разделение никак не комментируется составителями [Хрестоматия... 2000].

Отсутствие критики, на мой взгляд, отрицательно сказывается на развитии отечественной гендерной теории, хотя, как и терминологические особенности отечественного гендерного дискурса, оно связано с социальным контекстом функционирования нашего общественнознания. Во-первых, с насаждавшимися в течение многих десятилетий традициями критики, при которых ее объектом должны были выступать "западные (буржуазные) теории", а внутренняя критика означала если не физическую смерть объекта, то его профессиональный конец. Во-вторых, в отсутствии критики можно увидеть проявление корпоративного поведения гендерного сообщества. Поскольку последнее остается маргинализированным, то его члены избегают критики, по-видимому, из боязни внутреннего подрыва перед лицом мейнстрима.

Воспроизводство гендерной асимметрии в научном дискурсе, в том числе самими гендерными исследователями

Гендерная асимметрия воспроизводится гендерными исследователями, во-первых, в формулируемых ими теоретических понятиях; во-вторых, в понимании задач, изложении и интерпретации результатов эмпирических исследований; в-третьих, в паранаучном дискурсе (книжных иллюстрациях, распространяемых по сетям гендерных исследователей шутках).

1. Прямое воспроизводство гендерной асимметрии. Сюда относится воспроизведение в той или иной форме представления о вторичности женщины. По верному замечанию А. Чириковой, специалиста в области гендерного анализа функционирования частных фирм, "в профессиональное сообщество ученых и аналитиков проникли устойчивые стереотипы относительно меньших, по сравнению с мужчинами, возможностей женщин-руководителей управлять людьми и незаметно строить стратегию фирмы" [Чирикова, 1999, с. 75]. Прямое воспроизводство гендерной асимметрии осуществляется и в том случае, когда авторы высказывают скептическое отношение к проблемам социального равенства. Так, Л. Бабаева, объясняя причины обострения между профессиональной и семейной ролями женщин, которое, по ее мнению, имеет место в постперестроечный период, пишет: «Глубинной причиной этого являются особенности гендерных отношений в России, построенных по традиционному образу, сохранившему свое значение и влияние, несмотря на несколько десятилетий "воспитания равенством" и потому особенно конфликтных» [Бабаева, 1997^а, с. 50]. Можно, конечно, критиковать советский опыт равенства, но говорить о том, что гендерные отношения особенно конфликтны в силу того, что женщины прошли "воспитание равенством", неверно.

Другой, дискурсивный, способ прямого воспроизводства асимметрии - ссылки на авторов-женщин, как на мужчин. Мне известны текстовые примеры таких ссылок на Дж. Хубер [Антология... 2000, с. 99], М. Кляйн [Грошев, 2000, с. 172], Х. Хартманн [Хрестоматия... 2000, с. 24], А. Рич [Большой... 1999, с. 370], К. Уэст [Воронина, 2000, с. 12]. В выходных данных книги "Женщина и визуальные знаки" говорится: "В оформлении книги использованы работы Т. Антошина... Л. Горлова... Е. Елагина...", хотя совершенно очевидно, что речь идет о женщинах [Женщина... 2000].

2. *Инверсия асимметрии* и тем самым ее воспроизводство, но уже по отношению к другим гендерным группам. Она выражается в аксиологическом и концептуальном предпочтении женщин в ущерб другим гендерным группам.

Теоретическая асимметрия. Отечественные исследователи пользуются преимущественно понятиями-заимствованиями. Наиболее известная отечественная инновация - понятие "гендерного контракта" Здравомысловой/Темкиной, которое имеет явно асимметричный характер, так как относится к одной гендерной группе и к одному типу гендерных отношений. Это так называемый гендерный контракт "работающая мать" [Здравомыслова, Темкина, 1999⁶].

Асимметрия в предмете эмпирических исследований. Вплоть до недавнего времени предметом гендерных исследований были только женщины. Другие гендерные группы практически не изучались, а гендерный подход ассоциировался с анализом положения женщин [Смирнов, 2000]. Даже в упоминавшейся хрестоматии по курсу гендерных исследований практически отсутствуют материалы, относящиеся к другим гендерным группам; составители опускают перекрестные статьи типа "лесбийство", "*queer theory*" ("странная теория"), "гомосексуализм".

Характерный пример подобного рода - перевод "*drags*" (трансвеститы) как "*drugs*" (наркотики), который предложил один из русских переводчиков Батлер, разместивший свой текст в Интернете. Эта неверная переводческая гипотеза рождает массу натяжек, которые тем не менее не смущают переводчика. Он эту гендерную группу просто "не видит".

Аксиологическая асимметрия, которая проявляется в воспроизводстве стереотипа превосходства женской нравственности над мужской. Так, Л. Бабаева говорит: "...распространение женского бизнеса во многом могло бы способствовать общему улучшению нравов в отечественной деловой среде..." [Бабаева, 1997⁶]. Ей вторит другой автор: "Именно женское видение социально-политических и экономических вопросов способно привнести во власть нравственные начала, утвердить новые ценности, сосредоточить внимание на проблемах семьи, на экономике, социальных вопросах, увести общество от политических баталий и кровопролитных войн" [Климова, 2000].

Вынужденная инверсия лингвистического происхождения. Такая инверсия возникает иногда в силу того, что, например, английский язык гендерно нейтрален, в нем практически отсутствует дифференциация слов по грамматическому роду. Поэтому в тех случаях, когда в английских текстах фигурирует "*feminist*", англоязычному автору не надо задумываться о том, какого пола этот "*feminist*" - мужского или женского. Поскольку исторически в России "феминисты", как правило, женщины, то зачастую решение принимается в пользу женского рода, что может порождать гендерную асимметрию, которая отсутствует в оригинальном тексте.

Инверсия асимметрии в паранаучном дискурсе. Характерными примерами инверсии асимметрии являются, например, элементы оформления книги И. Жеребкиной "Прочти мое желание...", которая посвящена современным направлениям в философии феминизма. Так, воспроизводится фотоэтиюд художницы Т. Антошиной, представляющий собой перепев сюжета картины Пикассо "Девочка на шаре": тщедушный мужчина пытается удержаться на шаре под взглядом сидящей к нам спиной непропорционально громоздкой женщины. Тем самым утверждается мотив доминирования одного пола над другим. Аналогичное прочтение можно предложить и для двух других иллюстраций: одна - это травестирирование (перепев) "Автопортрета с Саскией" Рембрандта [Жеребкина, 2000], другая (иллюстрация на обложке книги "Женщина и визуальные знаки") - картины Ж. Давида "Клятва горациев" [Женщина... 2000]. Вместо вооруженных до зубов мужчин, художница ставит не менее воинственных женщин.

Критически настроенный читатель может возразить, сказав, что приведенные мною образцы воспроизводства асимметрии в гендерных исследованиях несущест-

венны по сравнению с оригинальными результатами эмпирического и теоретического анализа, а также смелыми попытками интерпретации западных концепций. Однако моя цель не в том, чтобы приуменьшить достижения своих коллег, которых они добились за "десятилетку" развития гендерного анализа, а в том, чтобы показать: любые способы воспроизводства асимметрии - пусть и на фоне безусловных достижений - должны настораживать. Они создают предпосылку дискредитации феминистского (гендерного) сообщества, которое и без того маргинализировано и имеет репутацию элитарной группы, члены которой "руководствуются не искренней заботой об униженных и оскорбленных сестрах своих, а элементарным деланием карьеры" ["Никакого...", 1997, с. 61].

Любые случаи инверсии асимметричных дискриминативных практик опасны по двум причинам. Во-первых, они способствуют укоренению обыденных представлений о том, что основные "составные части феминизма": "1) женщина во всем равна мужчине; 2) женщина намного лучше мужчины; 3) с какой стороны ни посмотри, но мужчина определенно хуже женщины" [Олейник, 1999], - и тем самым мешают понять, что в действительности составляет смысл феминизма и гендерных исследований. Во-вторых, анализ современных политических теорий и движений показывает, что позитивная дискриминация столь же опасна для любого движения и социальной политики, сколь и негативная.

Вопреки "эгоистичному гендеру", или преодоление гендерной асимметрии

Несмотря на тенденцию воспроизводства гендерной асимметрии в дискурсе гендерных исследований, наметились и явные пути ее преодоления: а) исследование моделей маскулинности и гендерных групп, не вписывающихся в бинарную модель гендерной системы; изучение, наряду с материнством, отцовства или родительства; б) выявление позитивных опытов адаптации женщин в условиях трансформационного общества, а не только тенденций ухудшения положения женщин и представления их как жертв социальных трансформаций; в) движение от сосредоточенности на гендерном контракте "работающая мать" к исследованию других гендерных контрактов, а также критика понятия "гендерный контракт" и использование более универсального понятия "гендерная система"; г) расширение политического контекста гендерных исследований.

Главное условие противостояния "эгоистичному гендеру" я вижу в развитии научных дискуссий на основе рефлексии по поводу полученных результатов, а также в политической поддержке этой тенденции, идеал которой сформулировал, как это нередко бывает в России, поэт: "За права женщин должны бороться мужчины. А за права мужчин - женщины. Тогда это будет по-человечески" ["Никакого...", 1997, с. 62].

Прошли те времена, когда наши корректоры исправляли "гендер" на "тендер", а слово "феминизм" определялось как "женское движение за уравнивание женщин в правах с мужчинами в рамках буржуазного строя" и утверждалось, что феминистские организации "обычно не касаются актуальных проблем современности, ограничиваясь лишь вопросами эмансипации женщин" [Большая... 1977].

Гендерные исследования вышли за пределы конференций по "женскому вопросу", а термин "феминизм" и его производные стали фактом нашего публичного дискурса. Однако с развитием этой новой области исследований проблем не убавилось. Сообщество гендерных исследователей задается вопросами о теоретико-методологическом статусе гендерных исследований, в частности о множественности/единственности объяснительных моделей гендерного анализа.

Один из наиболее интересных аспектов, касающихся статуса гендерных исследований в России, это, на мой взгляд, возможность квалификации отечественных гендерных исследований как нового общественного движения, которое оспаривает

сложившиеся "культурные модели инвестиции, знания и морали" (А. Турен). Предполагаю, что подобное квалифицированна сможет объяснить некоторые особенности отечественных гендерных исследований, которые были проанализированы в моей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология гендерной теории. Минск, 2000.
- Бабаева Л.В.* Женское предпринимательство в России. Доклад на семинаре Фонда Макаруров по проблемам положения женщин в независимых государствах бывшего Советского Союза, М., 1997^а.
- Бабаева Л.В.* Женщины России в условиях социального перелома. М., 1997^б.
- Барчунова Т.В.* Вариации в ж-миноре на темы газеты "Завтра": Женщины в символическом дискурсе националистической прессы // Потолок пола. Новосибирск, 1998.
- Барчунова Т.В.* Сексизм в букваре // ЭКО. 1995. № 3.
- Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 27. М., 1977.
- Большой толковый социологический словарь. В 2 т. Т. 1. М., 1999.
- Василина Веда.* Быть привлекательней других. Новосибирск, 1999.
- Воронина О.А.* Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. № 4.
- Гапова Е., Усманова А.* Предисловие // Антология гендерной теории. Минск, 2000.
- Грошев И.В.* Рекламные технологии гендера // Общественные науки и современность. 2000. № 4.
- Докинз Р.* Эгоистичный ген. М., 1993.
- Женщина и визуальные знаки. М., 2000.
- Жеребкина И.* Прочти мое желание... М., 2000.
- Здравомыслова Е., Темкина А.* Введение. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс // Хрестоматия феминистских текстов. СПб., 2000.
- Здравомыслова Е., Темкина А.* Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Общественные науки и современность. 1999^б. № 6.
- Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М., 1999^б.
- Калабихина И.* Социальный пол и проблемы народонаселения. М., 1995.
- Кирилина А.В.* О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. № 3.
- Клименкова Т.* Женщина как феномен культуры. М., 1994.
- Климова Т.В.* Влияние гендерной специфики на формирование имиджа женщины // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Новосибирск, 2000.
- Коноплева Н.А.* Одаренность и гендер // Женщина в российском обществе. Иваново, 2000. № 1.
- Лесков Н.С.* Собр. соч. В 11 т. Т. 6. М., 1957.
- "Никакого феминизма у нас пока нет..." Интервью Г. Рамазашвили с Т. Кибировым // Искусство кино. 1997. № 5.
- Олейник Татьяна.* Феминизм: *contra el contra* II XXL Мужской журнал. 1999. № 3 (14).
- Поляков Ю.* Небо павших. М., 1999.
- Романова Н.П., Осинский И.И.* Одинокие женщины. Потребности, жизненные ориентации и пути их реализации. Чита, 2000.
- Рорти Р.* Предисловие к изданию на русском языке // Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.
- Рябов О.В.* Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Филологические науки. 2000. № 3.
- Смирнов А.И.* Женщины на военной службе (Новые возможности и социальные права). М., 2000.
- Теория и история феминизма. Харьков, 1996.
- Тюгашев Е.А.* Философия в транзитивных обществах: гендерная ретроспектива // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Новосибирск, 2000.

Хоткина З.А. Гендерным исследованиям в России - 10 лет // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4.

Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб., 2000.

Чирикова А.Е. Мужчина и женщина во главе фирмы (Сравнительный анализ делового поведения) // *Мужчина и женщина в современном мире (Меняющиеся роли и образы)*. Т. 1. М., 1999.

Шнырова О. Проблемы восприятия гендерных исследований в академической среде // *Пол. Гендер. Культура*. М., 2000.

A Companion Feminist Philosophy. Blackwell Publishers. 1998.

Bem S.L. *The Lenses of Gender. Transforming the Debate on Sexual Inequality.* New Haven-London, 1993.

Berger J. *The Ways of Seeing.* London, 1972.

Braidotti R., Butler J. Interview. *Feminism By Any Other Name // Differences.* 1994. Vol. 6. №2 + 3 (Summer-Fall).

Butler J. *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity.* Routledge, 1990.

Chodorow N. *The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and the Sociology of Gender.* Berkeley-Los Angeles-London, 1978.

Feminist Interpretations and Political Theory. Polity Press. 1991.

Goffman E. *Gender Advertisement.* New York, 1979.

Humm M. *The Dictionary of Feminist Theory.* New York-London, 1989.

Kolodny A. *Dancing Through the Minefield. Some Observations on the Theory, Practice, and Politics of a Feminist Literary Criticism // Feminisms. An Anthology of Literary Theory and Criticism.* Rutgers, 1997.

Lorber J. *Paradoxes of Gender.* New Haven-London, 1994.

Scott J.W. *Gender and the Politics of History.* New York, 1988.

Scott J.W. *Some Reflections on Gender and Politics // Revisioning Gender.* Thousand Oaks. London-New Delhi, 1999.

© Т. Барчунова, 2002

Сдано в набор 24.06.2002 Подписано к печати 07.08.2002 Формат бумаги 70 X 100^{1/16}
Офсетная печать Усл.печл. 15,6 Усл.кр.-отт. 29,3 тыс. Уч.-изд.л. 18,5 Бум.л.6,0
Тираж 1855 Зак.6480

Свидетельство о регистрации №0110134 от 04.02.1993
Министерство печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук. Президиум РАН

Адрес редакции: 119991 Москва, Марононский пер., 26
Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6